

действию коррупции. — *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Сер. Гуманитарные и социальные науки. № 2. С. 105-111.

Цой Л.Н., Иванов О.Б. 2016. Медиация и конфликтология: методологические и предметно-содержательные различия. — *Власть*. № 10. С. 69-75.

IVANOV Oleg Borisovich, Head of the Center for the Settlement of Social Conflicts (of. 1208, 72 Mira Ave, Moscow, Russia, 129063), Chairman of the Board of Mediators at the Chamber of Commerce and Industry of the Moscow Region, Honored Lawyer of the Moscow Region (collegiamo@gmail.com)

THE ROLE OF THE INSTITUTE OF PUBLIC CONTROL OF RUSSIA IN RESOLVING SOCIO-POLITICAL CONFLICTS

Abstract. The article considers conflict as the most important aspect of human interaction in the society, in this case – a social-political one. This article is an attempt to analyze the current state, the main trends and the most probable prospects for the development of existing socio-political contradictions. The novelty and practical importance of the work consist in the systematic analysis of social and political conflicts in their interconnection and, in relation to contemporary Russian reality, as well as in the analysis of the state of the institution of public control, the possibilities and relevance of its potential for managing social and political conflicts. The author points out the creation of the necessary legal framework in Russia, and shows that the authorities are making certain attempts to institutionalize socio-political conflicts, to develop and implement new methods for managing them. At the same time, the legitimate status of public control institutions does not correspond to the established relations and expectations of society.

Keywords: conflict, public control, power, government, civil society, conflict management, civil protest, protest activity

БАРДАКОВ Алексей Иванович — доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (400131, Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8; bardakov@mail.ru)

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ МИГРАЦИЯ: МОТИВЫ И ОСНОВАНИЯ

Аннотация. В статье автор аргументирует возможность и необходимость разделения социальной и культурной миграции как относительно самостоятельных феноменов. Общей методологической основой такого разделения является подход от общего к частному. Общественные противоречия, имманентно присущие целостности социальных систем, с необходимостью проявляются в социальной миграции как частном случае. Позитивный потенциал культуры общества в полной мере реализуем и в частном случае культурной миграции, что благотворно влияет на развитие отдельного человека и всей социально-политической системы конкретного общества. Перспективы управления миграционными процессами видятся в выделении социальной миграции, где необходима жесткая правовая регламентация и политическая воля руководителей, и культурной, где достаточна координационная деятельность государственных органов или их представителей.

Ключевые слова: миграция, социальность, культура, власть, человек

Исследование миграционных процессов предполагает, что поиск научной Истины, решение теоретических проблем сопряжены с практикой социальных парадигм. Раскрытие правовых, политических, экономических и других общественных причинно-следственных взаимосвязей миграции имеет очевид-

ную корреляцию с социальными парадигмами, поэтому их классификация как явлений одного порядка вполне резонна. Сложности начинаются при упорядочении социально-культурных и культурных причинно-следственных взаимосвязей миграции. Сомнения в возможности и необходимости отождествлять или ставить в один ряд культурные и социальные явления существуют уже достаточно давно. Так, по мнению С.А. Никольского, «человек в погонах» как центральный субъект отечественной, в т.ч. и современной, истории должен уступить место «человеку культуры» [Никольский 2009: 110]. Подобную мысль высказывает и Г. Колпакова, которая, опираясь на идеи Н.А. Бердяева, утверждает: «Главное конкурентное преимущество России – духовность» [Колпакова 2006: 152].

Однако при решении научных задач в миграционной сфере культуры мигрантов и жителей принимающей стороны, как правило, рассматриваются в качестве социальных факторов, препятствующих или способствующих миграционным процессам. Не отрицая значимость социальных и культурных факторов миграции, попытаемся показать, что социальная и культурная миграция имеют качественное различие между собой. Для решения этой задачи необходимо охарактеризовать содержание социальной и культурной миграции, раскрывая смысловую нагрузку терминов «социальная» и «культурная» как предикатов миграции. Определившись с терминологическим и понятийным аппаратом познания культурной и социальной миграции, можно будет понять закономерности современных миграционных процессов.

Решение задачи облегчается тем, что, рассматривая ранее методологию исследования миграции в социальных системах, нам удалось установить качественную определенность социальной миграции и ее отличие от естественно-природной, или биотической миграции [Бардаков 2016: 42]. Раскрыв содержание и сущность социальной миграции, можно понять частный характер данного феномена в общей социально-политической практике современности. Если обозначить в качестве сущности естественно-природной миграции сохранение жизни, а социальной миграции – сохранение и повышение общественного статуса индивида, то, видимо, необходимо придерживаться подобного подхода и при выявлении сущности культурной миграции. Беря за основу определение культуры, можно вывести частный случай практики в виде культурной миграции. Понимая культуру как возделывание гуманистических свойств природно-социального индивида, которые в своей совокупности и образуют человека [Бардаков, Шушпанов 2015: 149], логично утверждать, что сущностью культурной миграции является сохранение и развитие гуманистических свойств индивида.

Выделяя социальную и культурную миграции, можно заметить, что для социальных парадигм миграции доминанта социальных взаимосвязей является не только источником, причиной перемещения отдельного индивида или групп людей, но и ожидаемым следствием будущей жизни. Из социально неразвитых систем люди перемещаются в более развитые общественные системы в надежде на улучшение гражданского статуса. Переселенцы надеются обрести больше политических свобод, более высокое экономическое положение, осуществлять свою жизнедеятельность в устойчивой и эффективной правовой системе. Иногда сознательно, но чаще – на уровне подсознания мигранты перемещаются на новое место жительства (работы) в качестве потребителей уже созданного не только материального блага, но и всей совокупности общественных отношений. И тут важно понимать, что высокий уровень социальности создается не только сегодня и сейчас, но и предшествующими поколениями и что если его не поддерживать и не развивать, то будет упадок, рецессия. Надо заметить, что парадигмы социальной миграции попадают в поле деятельности государства, органов власти в полном объеме. Власть, как правило, имеет достаточный инструментарий для расширения, сокра-

щения и запрета миграции, поэтому в зависимости от внутренних и внешнеполитических условий государство может действовать по-разному.

Отметим, что при изучении социальных парадигм миграции значительное большинство исследователей получают весьма продуктивные результаты. Так, О.А. Смирнова, О.Р. Жернова, В.Н. Подгусков совершенно справедливо обращают внимание на противоречивые тенденции в миграции. Авторы видят позитив миграции в том, что она «способствует снижению социально-экономического неравенства и смене социальных иерархий, устойчивому развитию» [Смирнова, Жерновая, Подгусков 2016: 115]. При этом они сетуют на то, что масштабная миграция может привести к усилению фискальной нагрузки на государственные услуги, дискриминировать местное население на рынке труда, стать основанием снижения оплаты труда, более того – повысить нагрузку на природные ресурсы [Смирнова, Жерновая, Подгусков 2016: 115]. Однако при рассмотрении культурной составляющей миграции исследователи ограничиваются лишь замечанием о том, что «культурная интеграция должна сопровождаться борьбой с шовинизмом, который сохраняется в России» [Смирнова, Жерновая, Подгусков 2016: 119]. В связи с этим хочется добавить, что для шовинизма, как, впрочем, и расизма, экстремизма, терроризма и многих других антикультурных явлений, социальные кризисы являются питательной средой. Социальные стагнации обуславливают социальную миграцию, всегда имеющую политический аспект, который предопределяет социальную несправедливость. А поскольку социальная справедливость имеет относительный характер, то возникает коллизия создания и перераспределения общественных благ.

Вариант трансформации социальной миграции в парадигмы культурной миграции существует, но это возможно при определенных условиях. Во-первых, это устойчивое социально-экономическое развитие общества, которое не снимает проблемы идентификации социальных групп и индивидов по социально-экономическому состоянию, этническому, религиозному и другим основаниям, но не провоцирует их крайние формы. Во-вторых, когда культурные взаимосвязи между индивидами преобладают над совокупностью общественных отношений, что обеспечивает снятие социально-экономических и социально-политических оснований для идентификации социальных групп и отдельных индивидов. В системе социальных координат культурный фактор становится доминирующим, что отражается и на миграционных процессах.

Опасность беспомощности культурного общества перед «отсталыми» мигрантами нивелируется реальными процессами народовластия и постоянным совершенствованием системы государственного управления. Мигранты ведут себя «неправильно» только в той общественной системе, где она это позволяет. И тут важно понять, что организационные изъяны в таком обустройстве общества в подавляющем большинстве случаев связаны с удовлетворением финансово-экономических интересов небольшой группы крупных собственников и представителей власти. Можно утверждать, что при изменении социально-политического обустройства общества, оптимизации соотношения самоуправления и управления в социальной системе миграционные проблемы сократятся в разы, но в условиях доминанты социальных отношений они не могут исчезнуть полностью. Исчезновение миграционных проблем сопряжено с развитием культуры. Общеизвестная декларация о том, что каждая профессиональная, национальная, территориальная общность привносит неоценимый вклад в развитие культуры конкретного общества и всего человечества, становится реальностью только в условиях приоритетности межличностных, а не социально-групповых отношений.

Весьма интересно переплетение социальных и культурных контекстов в миграции женщин из арабо-мусульманских стран в Европу. Несмотря на изме-

нение места жительства, основная деятельность женщины сопряжена с семейными обязанностями. Женщины, прибывшие в Европу, в своем подавляющем большинстве не обретают традиционной европейской свободы, поскольку их жизнедеятельность определяется и контролируется родственниками-мужчинами. Контрольная функция родственников-мужчин за деятельностью женщин обнаруживает свою противоречивость при попытке трудоустройства женщины. Общеизвестно, что трудовая деятельность – важнейший фактор социализации индивида, но в представлении мужчин арабо-исламских общин эта деятельность подрывает мораль и культуру индивида. Так, Г.И. Гаджимурадова пишет: «Мужчины-мусульмане считают, что женщина, которая уходит из дома, чтобы работать, неизбежно вступает в контакт с чужими мужчинами... это становится первым шагом к безнравственным поступкам» [Гаджимурадова 2016: 149].

Не останавливаясь на специфике взаимосвязи мужчины и женщины в арабо-мусульманском мире, обратим внимание на факт социальной миграции, когда конкретный человек, семья переселились для улучшения своего социального статуса. Улучшение социального статуса в такой группе связано с изменением положения мужчины в обществе, а женщине отведена роль помощника в повышении социального статуса мужчины, но она играет определяющую роль в сохранении и культивировании кровнородственных взаимосвязей. Занимаясь воспитанием детей, женщина возделывает человеческие свойства у подрастающего поколения, что способствует становлению уважительного отношения к друг другу, любви к ближнему, т.е. она формирует культурную составляющую индивида. Правда, воспитанность и культурность распространяется, как правило, только на близкий круг людей – род, общину, а за пределами этих образований реализация сформированных установок затруднена, поскольку и система отношений, и ценности качественно иные.

Несколько иные аспекты артикулированы у мигрантов из России. Так, Е.В. Андреева и Н.В. Дергунова при формировании портрета молодых российских мигрантов исходят из единства социальных и культурных оснований, ценностей, полагая, что социальные действия молодых мигрантов определяется национально-культурной идентичностью [Андреева, Дергунова 2016: 187]. Такой подход имеет свою логику при восприятии культуры в качестве неотъемлемого элемента социальности, но он не позволяет понять мотивы перемещения, построенные в рамках культурных парадигм. Ведь мотивы эмиграции не всегда связаны с повышением социального статуса, причиной переселения может быть и потребность в самореализации. Индивид устремляется в другое место проживания для максимальной реализации своих способностей, обретения и утверждения чувства собственного достоинства, комфортного существования в сообществе, где ему не навязывают чужую волю и у него нет возможности и потребности навязать свою волю другим. Безусловно, вести речь о доминанте таких сообществ не только на просторах нашего отечества, но за его рубежами не приходится. Однако достаточно очевидно, что потоки социальной миграции устремляются прежде всего в такие социальные системы, где не только социально-экономические, социально-политические условия благоприятны для будущей жизни, но уровень культуры населения принимающей стороны адекватен этим социальным факторам.

В современном мире в подавляющем большинстве обществ социальность имеет доминирующее положение, что обуславливает соответствующее восприятие социальной и культурной миграций. Формирование восприятия всего окружающего мира зависит от социальных установок и культурных ценностей, которые могут иметь традиционную основу, а могут и быть «привиты» или «занесены» внешними политическими силами. Можно согласиться в целом с

мыслью А. Ковалева и В. Мрочко о том, что «Запад стремится к объединению человечества в единый социокультурный организм не ради каких-то высоких абстрактных идеалов, а для формирования и выживания западной цивилизации» [Ковалев, Мрочко 2016: 40]. Однако тут необходимо уточнить, что Запад стремится объединить весь мир в социальный организм для того, чтобы расширить ареал своего господства, поэтому культурная составляющая в этом процессе вовсе не предусматривается. Декларация культуры предусматривается, но в условиях абсолютизации социальности реализация ее невозможна. В любом государстве социальное господство одной части общества над другой остается нормой и повседневностью, а формы и методы реализации этого господства можно свести к двум основным особенностям: в одном случае формируется потребитель, устремления которого направлены прежде всего на удовлетворение своих физических потребностей, а в другом – «винтик» социума, готовый слепо выполнять указания политических акторов. В таких социальных системах, где декларируется приоритетность культуры, но реализуются политические цели, культура выполняет вспомогательную роль по обоснованию, закреплению существующего господства одной части общества над другой. В контексте таких методологических установок осуществляется не только исследовательский поиск, но и практика реализации миграционных процессов.

Соглашаясь с тезисом А. Ковалева и В. Мрочко о том, что «Советский Союз... был главным противником Запада» [Ковалев, Мрочко 2016: 42], достаточно сложно согласиться с другим тезисом авторов, что в «социальной эволюции СССР опередил западный мир, видимо, более чем на полвека» [Ковалев, Мрочко 2016: 42]. Признавая определенные социальные преимущества СССР над западным миром, следует заметить, что более убедительно выглядит утверждение А.А. Зиновьева, который связывал эволюционное отставание Запада на 50 лет с тем, что русские занимают «первое место в литературе, в музыке, а про математику и физику и говорить нечего» [Зиновьев 2006: 71]. Надо заметить, что такая оценка культурного развития СССР отразилась на миграционных перипетиях самого А.А. Зиновьева. Выдворенный из СССР за критику советской системы, ученый продолжил критическое осмысление социально-политических систем западных стран. В сложившейся схеме миграции диссидентов он должен был критиковать страну, которую покинул, и восхищаться страной (странами), которая его приняла. Но этого не случилось. Конечно, можно по-разному трактовать такое поведение, такую позицию ученого. Однако есть основания полагать, что высокая профессиональная культура и нравственные установки не позволили ему фальшивить, превратиться в ангажированного исполнителя чужой воли.

В современных миграционных процессах достаточно сложно определить приоритетность социальных или культурных мотивов миграции и эмиграции. Однако можно с уверенностью говорить, что значительная часть ученых, спортсменов, деятелей культуры перемещаются по миру не только ради изменения социального статуса. Их мотивация не лишена социальных факторов, но для них не меньше значат и культурные основания. Устойчивая тенденция нарастания мотивов и оснований культурного порядка в миграционных процессах крайне актуальна для России, поскольку своевременность совершенствования социально-политической системы общества и артикуляция культуры как основной формы жизнедеятельности отдельного индивида будут способствовать развитию человека в целом и решению миграционных проблем в частности.

Список литературы

Андреева Е.В., Дергунова Н.В. 2016. Социокультурный портрет молодых мигрантов – выпускников российских вузов. – *Власть*. № 12. С. 183-188.

Бардаков А.И., Шушпанов С.С. 2015. Государство и культура в контексте программного документа «Основы государственной культурной политики». – *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Сер. История. Политология. № 19(216). Вып. 36. С. 147-154.

Бардаков А.И. 2016. Методология исследования миграции в социальных системах. – *Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС*. Сер. Политология и социология. № 2. С. 39-43.

Гаджимурадова Г.И. 2016. Женская миграция из арабо-мусульманских стран в Европу: причины, современное состояние и перспективы. – *Власть*. № 12. С. 147-149.

Зиновьев А.А. 2006. Русскому народу нанесен смертельный удар. – *Социология власти*. № 4. С. 69-72.

Ковалев А.А., Мрочко В.Л. 2016. Противостояние цивилизаций и политическая реальность современности. – *Власть*. № 12. С. 40-44.

Колпакова Г. 2006. Духовный механизм хозяйствования как реализатор конкурентных преимуществ России. – *Государственная служба*. № 5. С. 152-155.

Никольский С.А. 2009. Российское самосознание в реалиях XXI столетия. – *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. № 4. С. 95-110.

Смирнова О.А., Жерновая О.Р., Подгусков В.Н. 2016. Миграционная ситуация в России, эволюция и тенденции в долгосрочной перспективе. – *Власть*. № 12. С. 114-121.

BARDAKOV Aleksei Ivanovich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Professor of the Chair of Public Administration and Political Science, Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (8 Gagarina St, Volgograd, Russia, 400131; bardakov@mail.ru)

THE REASONS AND THE FOUNDATIONS OF SOCIAL AND CULTURAL MIGRATION

Abstract. *The article presents some aspects of different types of migration. This is a complex issue, having as its background the social and cultural causes of migration. The author proves the necessity of the separation of migration into social and cultural ones. The methodological framework for migration policy is the top-down approach. Public contradictions, immanently inherent in the integrity of social systems, are necessarily manifested in social migration as a particular case. The positive potential of the culture of society is fully realized in the particular case of cultural migration, which has a beneficial effect on the development of an individual and the entire socio-political system of a particular society. In conclusion, the author offers two different perspectives of migration management. Prospects for managing migration processes are seen in the allocation of social migration, where strict legal regulation and the political will of managers are required, and cultural migration, where the coordinating activity of state agents or their representatives is sufficient.*

Keywords: *migration, sociality, culture, power, human being*
